

Константин Соловьев

БУМАЖНЫЙ ТИГР

— ∞ —

МАТЕРИЯ

ТОМ 1

M
NOVA
FICTION

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С60

Константин Соловьев
БУМАЖНЫЙ ТИГР. МАТЕРИЯ
Том 1

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

Дизайн переплете *Василия Половцева*
Иллюстрация на переплете *Екатерины Кравченко*

Соловьев, Константин.

С60 Бумажный тигр. Материя. Том 1 / Константин Соловьев. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 512 с. — (Нова Фикшн. Русское городское фэнтези).

ISBN 978-5-17-185345-7

Знакомьтесь, Лэйд Лайвстоун — владелец бакалейной лавки на острове Новый Бангор. Днем он отвешивает рис, чай и корицу, а вечерами пьет пиво с приятелями, жалуясь на капризных автоматов и хлопотную жизнь на пороге двадцатого века.

Новый Бангор — не просто британская колония в Полинезии, это только декорация. Остров затерян во времени и пространстве, он — игрушка безумного божества, известного как Левиафан. Здесь бродят создания из полинезийских мифов, средневековых легенд и страшных кошмаров, а законы логики бессильны. Нормальный человек не протянет тут и года, как лишится рассудка, но Лэйд живет тут уже двадцать пять лет.

Закончив торговлю, он запирает лавку и... достает револьвер и причудливые амулеты. Он узник Нового Бангора, но не жертва, а воин: четверть века ведёт безнадежную войну с островом и его безжалостным хозяином. И Лэйд точно знает — скоро он покинет Новый Бангор. Или умрет.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ЧАСТЬ 1
ФУНТ
НЕПРИЯТНОСТЕЙ

*Тигр, Тигр, жгучий страх,
Ты горишь в ночных лесах.
Чей бессмертный взор, любя,
Создал страшного тебя?*¹

«Тигр», Уильям Блейк

*Говяжья вырезка с грибами в слоеном тесте —
сложный рецепт. Подступаясь к нему, убедитесь,
что запаслись всеми необходимыми ингредиентами
в точном соответствии с приведенным списком.*

*Нет ничего более вызывающего сочувствие,
чем джентльмен, вздумавший положиться на свою
интуицию там, где требовался точный расчет,
и в решающий момент обнаруживший,
что остался без розмарина.*

«Большая поваренная книга Хиггса»

---

¹ Перевод К. Бальмонта.

Глава 1

Колокольчик зазвонил ровно в четыре минуты пополудни, заставив Лэйда Лайвстоуна, владельца лавки «Бакалейные товары Лайвстоуна и Торпа», неразборчиво выругаться сквозь зубы.

Миддлдек — не вечно гомонящий Айронглоу и не чопорный Олд-Донован, жизнь в нем течет размеренно и неспешно, в раз и навсегда заведенном ритме, так что за долгие годы торговли в движении покупателей Лэйд привык разбираться не хуже, чем почтенный лоцман британского Королевского флота — в карте океанских течений вокруг острова.

С утра обыкновенно наблюдалось некоторое оживление, напоминавшее мелкую, но бурную приливную волну. Взъерошенные и уставшие после ночной смены кебмены спешили шлепнуть по прилавку грязной монетой, потребовав полфунта самого дешевого жевательного табаку. Шатающиеся после гулянки моряки, завернувшие из Клифа и спутавшие бакалейную лавку с «Глупой Уткой», что через дорогу, норовили заказать пива.

К полудню всякая жизнь в Миддлдеке стихала, прячась от яростного тропического солнца Нового Бангора, и лишь вечером в торговле наступало приятное оживление. Дверной колокольчик начинал трезвонить почти ежеминутно, и, вторя ему, прият-

ным стрекотом никелированных клавиш отзывался кассовый аппарат Сэнди. Сам Лэйд встречал эту волну как и подобает профессионалу. Засучив рукава, вооружившись совком для муки, искусными склянками или гирьками для весов, он успевал везде и всюду, без конца взвешивая, упаковывая, советуя и находя время перекинуться с покупателями парой-другой еще не залежавшихся шуток.

Полуденное же время было в лавке мертвым сезоном. Зная это, Лэйд обычно отводил его под уборку и хозяйственные работы. Пользуясь затишьем, можно было перебрать старые свечи, переклеить этикетки на консервных банках, рассортировать чай или сделать что-нибудь еще — в бакалейной лавке всегда не меньше хлопот, чем на борту корабля. Вот почему, услышав звон колокольчика, Лэйд Лайвстоун ощутил не столько обычное для лавочника удовлетворение, сколько раздражение.

— Кто? — громко спросил он, выглядывая из-за газеты. — Чего изволите?

К его удивлению, это был не какой-нибудь чужой трубочист, вздумавший купить пару унций «Лучшего ежевичного мыла Соулбахера», и не растяпа-повар из ближайшей гостиницы, лишь к обеду обнаруживший нехватку кориандра. Не подгулявший шкипер, ищущий фосфорных спичек, и не пекарь в поисках муки. Словом, совсем не тот покупатель, которого рассчитываешь увидеть в лавке, да еще в разгар дневного зноя.

Ей было лет семьдесят — семьдесят пять, прикинул Лэйд. Может, и меньше, но много слоев черного крепа редко молодят человека. Почтенный Коронзон, и не жарко ей разгуливать по солнцепеку в глухом траурном платье! Лицо ее показалось Лэйду незнакомым, и это удивило его. Хукахука — совсем

небольшой район, и он привык считать, что знает всех своих покупателей.

— Добрый день, мистер Лайвстоун. Добрый день, мисс Прайс.

Спрятавшаяся за кассовым аппаратом Сэнди вздрогнула от неожиданности. «Должно быть, опять украдкой читает своего Буссенара, — подумал Лэйд, — и уже дошла до того места, где капитан Сорви-голова прыгает в кишасщее акулами море, чтобы добраться вплавь до форта Саймонстаун». Глаза ее выглядели расширенными — видимо, тысячемильный путь, который пришлось проделать ее воображению от Южной Африки до Британской Полинезии в считанные секунды, не прошел для нее даром. Однако она быстро пришла в себя.

— Добрый день, миссис Гаррисон! Ну и ужасная жара на улице, правда? Хотите холодной мятой воды с лимоном?

— Нет, милочка, благодарю. Если можно, я хотела бы...

Ее прервал металлический грохот, донесшийся из подвала. Сам Лэйд даже не вздрогнул. Когда вынужден содержать бакалейную лавку, являющуюся вместительным тысяч самых разных вещей, постепенно привыкаешь к подобного рода звукам. Судя по всему, жестяной балбес Дигги, прибирающийся в служившем складе подвале, опять задел бидон с маслом или что-то в этом роде.

Но старая леди, которую Сэнди назвала миссис Гаррисон, застыла с гримасой страха на сухом, как орешек, лице.

— Все в порядке, — торопливо сказал Лэйд. — Это Диоген, наш автоматон, самый большой растяпа и путаник к югу от двадцатого меридиана. Что могу предложить вам, миссис Гаррисон? Быть мо-

жет, муки? Как раз вчера получили превосходную голландскую, первого сорта, шесть пенсов за фунт¹.

Миссис Гаррисон тихо засмеялась, отходя от страха. Миниатюрная, в своем глухом траурном платье из черного крепа, она выглядела старенькой благообразной мышкой, вздумавшей по какой-то причине внезапно покинуть свою уютную обжитую норку. «Нет, — подумал Лэйд, — едва ли у нее кончилась мука. А если бы и кончилась, куда проще послать служанку, чем преодолевать пешком всю Хейвуд-стрит по такой-то жаре да в ее возрасте. Может, ей нужна нюхательная соль?..»

— Благодарю покорно, мука у меня еще есть. — Миссис Гаррисон близоруко прищурилась, разглядывая прилавки. — Нет, сегодня мне надо кое-что другое.

— Оливковое масло? — предположила Сэнди с готовностью. — Пачули?

По сравнению с кассовым аппаратом мисс Асандра Прайс выглядела совсем небольшой, такой, что ее едва можно было заметить, но Лэйд знал, что в ассортименте «Бакалейных товаров Лайвстоуна и Торпа» Сэнди разбирается не хуже него самого, даром что бухгалтерским grossбухам и журналам поставок предпочитает своего вертопраха Буссенара...

— Взвесьте мне фунт чаю, если не сложно, — попросила миссис Гаррисон, — я бы хотела чаю.

Взяв в руки жестяной совочек для чая, Лэйд не смог сдержать улыбки. В этот раз не для постоянных покупателей — вполне искренней. Ему не хотелось признаваться в этом даже себе, но стоило траурному силуэту миссис Гаррисон, обрамленному черным крепом, возникнуть в дверях бакалейной

---

¹ Один фунт равен примерно 450 г.

лавки, в груди его поселилось неприятное ощущение вроде того, что бывает, когда открываешь бочонок с испорченным маслом. Скверный такой, едва различимый душок...

Но сейчас это ощущение растворилось подчистую, к его немалому облегчению.

— С удовольствием. Какой чай вы предпочитаете? Есть отличный да хун пао, прямиком из Китая. Великолепно успокаивает нервную систему и приятен на вкус. Есть черный крупнолистовой ассам, очень душистый и с мягким ароматом. Есть...

— А вы, случайно, не знаете, какой предпочитают брауни¹?

Жестяной совочек для чая вдруг показался Лэйдуну непривычным и неудобным, как незнакомый инструмент. Будто ему не приходилось тысячи раз брать его в руки за прошедшие годы.

— Что вы сказали, миссис Гаррисон?

Лицо у нее было потертое, похожее на песочное печенье или галету. И, несмотря на вежливую улыбку, насмешливым не выглядело.

— Мне нужен чай для брауни, — спокойно повторила она. — Беда в том, что я совершенно не знаю, какой сорт предпочитают эти малыши. Как думаете, они больше любят дарджилинг или цейлонский? А может, им понравится чай с бергамотом?

«Надо посчитать до десяти, — подумал Лэйд. — Кто-то из Треста упоминал про восточного мудреца, который советовал считать мысленно до десяти всякий раз, когда происходит что-то странное, и тогда многие ситуации разрешаются сами собой.

---

¹ Брауни — существа из английской и шотландской мифологии, миниатюрные духи домашнего очага сродни домовым.

Но этот восточный мудрец, кем бы он ни был, определенно никогда не ступал ногой на землю Нового Бангора. Иначе давно выжил бы из ума, обсчитавшись до смерти. На этом острове часто происходят такие вещи, для понимания которых, пожалуй, лучше быть арифмометром, чем живым человеком».

Сэнди встрепенулась на своем месте.

— Вы сказали «брауни»? Такие маленькие домашние существа, которые живут в хозяйском доме и шкодят по ночам?

Миссис Гаррисон невозмутимо кивнула.

— Они славные малыши и вовсе не такие шалуны, как принято считать. Если поддерживать с ними добрые отношения, они платят сторицей тому дому, под сенью которого обитают. Убирают ночами мусор, прядут пряжу, чинят всякие мелкие вещи, находят пропавшие монетки... Словом, пользы от них куда больше, чем беспокойства.

Чай для домашних брауни миссис Гаррисон. Вот, значит, как.

Лэйд, помедлив, положил совочек для чая обратно на прилавок. Осторожно, как взведенный револьвер.

Полицейский участок Хукахука находился на другом конце Хейвуд-стрит, добрых полмили от бакалейной лавки. Будь он столь же легконогим, как юные полинезийцы-рассыльные, околачивающиеся у лавки, успел бы дойти туда за пару минут, но увы, шестьдесят фунтов¹ лишнего веса — не лучшее подспорье для марафона. Кроме того, господин Лэйд Лайвстоун славится в здешних краях как внимательный и чуткий бакалейщик, а отнюдь

---

¹ Здесь: около 27 кг.

не спринтер. У него уйдет по меньшей мере в три раза больше времени на эту прогулку.

Сейчас восемь минут пополудни, прикинул он, это значит, что Эйф Саливан уже закончил утренний обход и сейчас сидит за столом, полируя, по своему обыкновению, полицейскую каску и насвистывая под нос какой-нибудь фривольный ирландский мотивчик. Он молод, на обратный путь у него уйдет минут пять, не более того. Хватит ли этого времени Сэнди, чтобы заболтать миссис Гаррисон, не выпускающая из лавки?

Лэйд едва не скрипнул зубами. Почтенный Коронзон, покровитель здравомыслия!

Эйф Саливан, конечно, славный парень и джентльмен, хоть и ирландец, он не станет говорить лишнего. Но достаточно будет пары просочившихся слов, как его поднимут на смех в Тресте. Этого повода Оллису Макензи хватит на целый месяц зубоскальства: «Смотрите, это же старина Чабб, тот самый, что снабжает всех брауни Миддлэка чаем! Я слышал, ты планируешь расширять дело, уже наладил поставки керосина для эльфов! Что дальше, консервированные персики для боггарта¹? Деготь для гоблинов?..»

Лэйд на всякий случай мысленно досчитал до десяти.

— Значит, вы хотите угостить ваших брауни чаем? — уточнил он спокойно. — Что ж, весьма благоразумно с вашей стороны. Как говорит мистер Хиггс, ничто так не способствует добрым отношениям, как чашечка ароматного чая с имбирными сдобными булочками. И здесь он, несомненно, прав.

---

¹ Боггарт — проказливое привидение из английской мифологии.

Миссис Гаррисон подняла на него удивленный взгляд миндально-желтых глаз.

— Кто такой этот мистер Хиггс? — осведомилась она. — Он живет на Хейвуд-стрит?

Где-то за большой никелированной кассой негромко фыркнула Сэнди.

— Едва ли этот джентльмен когда-нибудь посещал остров. Мистер Чабб... То есть мистер Лайвстоун имеет в виду сэра Бартоломью Хиггса, автора «Большой поваренной книги Хиггса». У мистера Лайвстоуна очень трепетные чувства к этой книге.

Лэйд бросил в ее сторону нарочито сердитый взгляд.

— Побольше уважения, мисс Прайс! В мире, в котором нам с вами посчастливилось жить, существуют лишь две книги, заслуживающие самого искреннего почитания и достойные того, чтоб всякий британец держал их подле себя. Это Библия и «Большая поваренная книга Хиггса». Одна из них — всеобъемлющий душеспасительный труд, содержащий все необходимое человеку для духовного развития и совершенствования. Другая же... Что ж, в Библии тоже встречается несколько неплохих притч...

В другой день Сэнди не замедлила бы вступить в пикировку, у нее были свои счета с мистером Хиггсом, но сейчас она явно обнаружила тему поинтереснее.

— У нас есть очень хороший кимун, это китайский красный сорт. Душистый, пахнет фиалками, но он из дорогих, шиллинг за унцию. Наверно, это чересчур для... для ваших... гостей, да?

Миссис Гаррисон поджала тонкие морщинистые губы, что могло изображать улыбку.

— Все в порядке, это меня не разорит, Сэнди, милочка. Кроме того, я чувствую необходимость

задобрить их. Вы даже не представляете, до чего эти малютки обидчивые!

Лэйд ощутил некоторое облегчение: по крайней мере, разговор выворачивал на вполне твердую почву, которая была ему отчасти знакома. Вновь взявшись за совок, он безошибочно определил нужный сундук среди прочих и распахнул крышку.

— Обидчивы, а? Никогда бы не подумал!

Миссис Гаррисон горестно вздохнула.

— Иногда с ними бывает так непросто! Честно говоря, я сама виновата, не проследила за Эсси. Это моя камеристка — Эсси. В прошлый четверг я попросила ее оставить на ночь крынку со свежими сливками в кухне, как мы обычно делаем на протяжении последних тридцати лет. Брауни очень любят сливки, мистер Лайвстоун. Даже больше, чем сливовый пудинг или крекеры. Надо лишь помнить, что сливки непременно должны быть свежими. У них очень чуткое обоняние, просто очень чуткое!

Лэйд привычно сделал из вощеной бумаги сверток и стал аккуратно сыпать в него чай.

— Вот как, — нейтрально заметил он, — что ж, если вы так говорите, должно быть, так оно и есть.

— Представляете себе мое смущение, когда утром крынка оказалась разбита вдребезги, а вместе с ней — по меньшей мере дюжина тарелок!

— Могу себе вообразить. Значит, это сделали брауни?

Миссис Гаррисон убежденно кивнула.

— Ну разумеется. Больше и некому. Эта старая дурочка Эсси ошиблась и положила в крынку прокисшие сливки! Представляете? Неудивительно, что брауни пришли в негодование! Кислые сливки!

— Ужасно, мэ, — согласился Лэйд, сиюсь сохранив на лице непроницаемое выражение, — просто кошмар.

— И не говорите, мистер Лайвстоун! Ужасная ошибка. Только боюсь, что иногда я сама соображаю не лучше, чем эта дурочка Эсси. Честно говоря, очень уж мне жаль было этих тарелок. Представьте себе, среди них были тарелки из моего свадебного сервиза, с вензелями Вильгельма Четвертого!

— Должно быть, досадная утрата.

— Уж можете мне поверить! Тут, признаться, я поддавалась злости. Я тридцать лет обходилась с нашими брауни как с домашними любимцами! Всегда угощала их, позволяла шалить по ночам, не требовала ничего сверх меры. Мне казалось, я вправе рассчитывать на хоть какую-то благодарность с их стороны! А вместо этого они так поступили со мной! И все из-за ошибки, из-за каких-то сливок! Ну не нелепо ли?

«Да, — подумал он, — крайне нелепо. Не сосчитать ли еще раз до десяти?»

— Весьма... неразумно с их стороны, миссис Гаррисон.

— Вот я и так считаю! Мне захотелось проучить их за эту шалость, и я лишила их субботней порции сидра. Мои брауни любят сидр, я-то знаю. Могут выпить целую пинту за одну ночь! Но мне надо было показать им, кто в доме хозяин!

— И как?

— Лучше бы я этого не делала. На следующее утро выяснилось, что мелкий народец разбил вдребезги телефонный аппарат и вдобавок обрезал почти все провода гальванического освещения в доме!

Лэйд принялся заворачивать наполненный чаем сверток. Он был уверен, что насыпал по меньшей мере пару лишних драхм, но счел за лучшее не затягивать. Чем раньше эта выжившая из ума женщина покинет его лавку, тем проще ему будет сделать вид, будто ничего странного не произошло. Что на улице

обычный бангорский вторник, кипяще жаркий от количества растворенного в нем тропического солнца, и вокруг привычный, утопающий в полуденной неге Миддлэк, безмятежный, как сонный индюк...

— Мне стоило остановиться еще тогда. — Миссис Гаррисон удрученно покачала сухонькой седой головой. — Всем известно: брауни легкомысленны, как дети, но при этом столь же мстительны и злопамятны. Вместо того чтоб загладить причиненную им обиду, я продолжала действовать им назло, пытаясь отстоять право распоряжаться в собственном доме. Был бы жив мой покойный Одрик, он бы меня понял. Он был капитаном корабля, знаете ли, и уж точно не стал бы терпеть подобного отношения... Неделю назад я обнаружила, что брауни сломали все задвижки на дверях и использовали мой лучший фарфоровый соусник для... для...

Лицо миссис Гаррисон покраснело.

— Словом, для отправления своих нужд. Вот ведь маленькие мерзавцы!

Лэйд поймал взгляд Сэнди поверх кассового аппарата. Она уже не пыталась украдкой читать Буссенара, и неудивительно. Могут ли вымышленные приключения никогда не существовавшего капитана Сорви-головы соперничать с взаправдашними брауни?

— Очень грубо с их стороны, — сказала она, безотчетно понизив голос едва ли не до шепота, — но после этого, надеюсь, между вами восстановилось понимание?

Миссис Гаррисон вздохнула. Так слабо, что этот вздох не поколебал бы даже листков герани — если бы Лэйд когда-то счел нужным поставить герань в своей лавке.

— Неделю назад они украли мои вставные зубы.